

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. Г. БОКШАНИН, *Социальный кризис Римской империи в I веке н. э.*, Изд-во МГУ, 1954, 238 стр., тираж 3000 экз., цена 10 р. 30 к.

История Римской империи привлекает внимание не только специалистов-античников, но и широких общественных кругов. Между тем наша научная литература все еще весьма не богата произведениями, трактующими проблемы, связанные с историей Римской империи. Если не считать университетских курсов В. С. Сергеева, Н. А. Машкина, С. И. Ковалева, естественно, ставящих себе в основном учебные задачи, она ограничивается небольшим количеством специальных статей и немногими диссертациями, к сожалению, не напечатанными и потому известными лишь очень узкому кругу специалистов. Поэтому появление рецензируемой работы А. Г. Бокшанина весьма своевременно.

Монография А. Г. Бокшанина, как об этом пишет сам автор, посвящена изучению социальной борьбы в Римской империи I в. н. э. и того политического кризиса, который она в этот период переживала (стр. 21). Автор правильно исходит из утверждения, что хваленый «Римский мир» (Pax romana — так озаглавлена первая глава работы) являлся лишь фикцией, официально рекламируемой версией, к которой напрасно с излишним доверием относится буржуазная историография. На самом деле, начиная со времени Августа «ряд завоевательных войн, многочисленные волнения, восстания и заговоры потрясали спокойствие не только провинций, но и политического центра империи — Италии» (стр. 28). Дав во второй главе краткий очерк хозяйственного строя и взаимоотношения частей Римской империи, А. Г. Бокшанин в главах третьей, четвертой и пятой подробно останавливается на различных проявлениях ожесточенной социальной борьбы как в Италии, так и в провинциях, начиная с конца I в. до н. э. по 50-е годы н. э. При этом «социальные движения» и «социальная борьба» понимаются автором чрезвычайно широко: к ним причисляются и сенатская оппозиция Тиберию, и борьба «свободолюбивых племен» северо-западной Испании против римской агрессии при Августе, и восстание в Аквитании в 28 г. до н. э., и походы Друза и Тиберия против германцев в 12—6 гг. до н. э., и Паннонское восстание 6—9 гг. н. э., и катастрофа в Тевтобургском лесу (стр. 64—85). В «беспокойную эпоху принципата Тиберия» (стр. 98) таких социальных движений автор насчитывает особенно много и говорит о «жестоком кризисе второго десятилетия нашей эры» (стр. 99). Автор приходит к заключению, что если первым принципсам удалось справиться со всеми этими потрясениями в западных провинциях, то лишь благодаря развитию при римском господстве социальной дифференциации в среде провинциального населения и перерастанию старой родовой знати в крупных земле- и рабовладельцев. «Во время социальных конфликтов провинциальные рабовладельцы без колебания становились на сторону римского правительства, насаждавшего рабовладельческие порядки в экономически и культурно отсталых областях севера и запада» (стр. 102—103).

К сожалению, для характеристики социальных отношений и социальной борьбы в восточных провинциях А. Г. Бокшанин ограничивается материалом преимущественно из истории Иудеи, особенно подробно останавливаясь на событиях I в. до н. э., на времени правления Ирода и Архелая, на восстании 4 г. до н. э. («Варова война»).

«Инкорпорация Иудеи в состав провинций империи в 6 г. н. э. произошла, по мнению автора, также в результате страха господствующих слоев иерусалимской аристократии перед возможностью народного восстания» (стр. 118). Нарастание этого народного возмущения автор прослеживает затем в период правления царей Агриппы I и Агриппы II, отмечая вместе с тем крупную роль первого при дворе Калигулы и в получении императорской власти Клавдием.

Последние главы монографии посвящены подготовке политического кризиса конца 60-х годов, иудейской войне 66—73 гг., гражданской войне 68—69 гг., восстановлению и закреплению власти римского правительства и привилегированного положения крупных рабовладельцев новой династией Флавиев, обязанной своим возвышением, прежде всего, материальной и моральной поддержке провинциальных рабовладельцев. «Именно с этого времени,— заключает автор,— Римская империя становилась империей всех рабовладельцев средиземного мира».

Конечно, с основными положениями работы А. Г. Бокщанина нельзя не согласиться—они не новы, хотя иногда и сформулированы автором весьма своеобразно. Например: «События этих бурных лет (68—70 гг.) были завершением длительного процесса, превратившего Рим из центральной рабовладельческой общины Италии в центр космополитической (!) средиземноморской рабовладельческой державы» (стр. 234). Автор, однако, должен признать, что уже С. И. Ковалев в своем еще в 1936 г. вышедшем курсе «История античного рабовладельческого общества» «правильно отметил эту основную политическую тенденцию развития империи — замену господства италийских рабовладельцев политическим управлением (?) рабовладельцев провинциальных» (стр. 15). Известно также, что Рим всегда ориентировался в своей политике на аристократию покоренных им областей и что она, в свою очередь, когда встречалась с движением эксплуатироваемых ею масс, постоянно искала поддержки Рима и готова была на любое предательство и измену делу освобождения своей страны. Все это можно проследить, начиная со времени самнитских войн и борьбы с Пирром и Ганнибалом. Но почему А. Г. Бокщанин римскую сенатскую знать I в. н. э. упорно называет «патрициатом» (стр. 149, 152, 153, 158, 159),— это остается, по меньшей мере, странным. Такие выражения, как «противоречия между патрициатом и принцепсом» (стр. 164), «Нерон перестает считаться с патрициатом» (стр. 165), «патрицианская знать сделала попытку защитить Гальбу» (стр. 210), «заигрывание с патрициатом Отона» (стр. 211), «подозрение в солдатской массе, справедливо не доверяющей патрициату, как своему врагу» (стр. 211), «выступление римского плебса (переворот Отона) против патрициата» (стр. 233), и другие, подобные этим (стр. 219, 220, 231), безусловно, могут вызвать лишь справедливое недоумение у читателя.

Порождает сомнение заглавие книги А. Г. Бокщанина «Социальный кризис Римской империи в I веке н. э.». Читатель вправе ожидать найти в ней новый ответ на весьма актуальный и остро дебатруемый в современной исторической науке вопрос о начале и первых симптомах разложения рабовладельческой формации, каковые до сих пор принято относить лишь к последним десятилетиям II в. н. э. На самом же деле читатель уже из второй главы узнает о распространении рабовладельческих латифундий в Средней и Южной Италии, о расцвете рабовладельческой экономики в Цизальпинской Галлии (стр. 51), о разложении, под влиянием римского завоевания, родового строя в Галлии Трансальпинской, в Испании, Иллирии, Британии и установлении здесь рабовладельческих порядков, о значительном подъеме рабовладельческого хозяйства на Востоке (стр. 56). Автор пишет о вполне естественных, по существу, тенденциях хозяйственно преуспевающей провинциальной рабовладельческой знати лишь устаревших политических привилегий господствующие рабовладельческие верхи Италии, добиться политического и гражданского равноправия с римским гражданством (стр. 58) и реорганизовать Римскую империю на более широкой и мощной основе объединившихся рабовладельцев всего Средиземноморья, что и удается в результате гражданской войны 68—70 гг. Читатель вспоминает, что за этим последует тот период, который обычно называют «золотым веком» римской рабовладельческой империи! Где же и в чем же здесь «социальный кризис I века»?

Впрочем, уже с первых страниц книги А. Г. Бокщанина, с ее «Введения», читатель может заметить, что автор и сам не очень убежден в существовании того «социального кризиса», показать который он обещается заглавием своей работы. Он в первых же строках заявляет, что концентрирует свое внимание на причинах, сущности и следствиях политического кризиса, пережитого римской рабовладельческой державой в середине I в. н. э. (стр. 3). И далее, в названии глав везде фигурирует «политический кризис». Глава пятая названа «Предпосылки политического кризиса империи конца 60-х гг. I века н. э.», глава восьмая — «Политический кризис 68—69 гг. I века н. э.». Что же касается «социального кризиса Римской империи в I веке н. э.», то чем далее развивается изложение, тем более скромное место начинает он занимать в концепции автора. На стр. 15 и 58 автор уже говорит о «социальном кризисе империи конца 60-х гг. I века н. э.»; на стр. 62 — «о событиях социального кризиса второй половины 60-х гг. I века н. э.»; на стр. 20 и 45 вместо слова «кризис» вводится термин «социальный катаклизм конца 60-х гг.», и, наконец, в оглавлении третьей главы все это укладывается в скромное, зато вполне отвечающее действительности выражение «социальные движения». Если же к этому всему присоединить и такие выражения, как «социальная политическая обстановка» (стр. 16), «социальное развитие общества империи» (стр. 15, прим. 1) и даже «политический кризис римской общественной и государственной системы» (стр. 233), то у читателя создается впечатление, что автор недостаточно ясно разбирается в понятиях «социальный» и «политический».

Свой материал по социальной и политической истории Римской империи в I в. н. э. автор распределяет на девять глав. Шесть из них, кроме трех, указанных уже выше, посвящены общей истории Римской империи в первой половине I в. н. э. Первая глава озаглавлена «Рах гомана», вторая — «Хозяйственный строй и взаимоотношение частей Orbis terrarum» и третья — «Социальные движения в Италии и в западных провинциях империи в первой половине I века н. э.» Три следующие главы всецело заполнены политической историей Иудеи в I в. н. э., хотя автор и должен признать тот несомненный факт, что Иудея была одной из наиболее незначительных провинций Римской империи — небольшой «сельскохозяйственной областью, не игравшей сколько-нибудь заметной роли в экономической жизни империи» (стр. 60)¹.

Вместе с тем А. Г. Бокщанин склонен специфичные для этой маленькой страны весьма напряженные социальные отношения и бурно изменяющиеся политические порядки распространять и на другие части Римской империи. Поэтому и в общие вводные главы, довольно бедно и поверхностно характеризующие хозяйственный строй и социальные отношения в основных западных и восточных римских провинциях и в самой Италии, обильно вкрапливается материал из истории Иудеи. Например, в первой общей главе история Иудеи занимает около $\frac{1}{3}$ текста; эта история излагается здесь начиная со времени Антиоха III, с излишними подробностями о Маккабеях и Хасмонеех, о борьбе Гиркана с Аристокбулом, о штурме перусалимского храма по распоряжению Помпея в 63 г. до н. э. и т. п. (стр. 37—45), т. е. в этой главе изложены события, не имеющие прямого отношения к теме монографии. То же самое можно наблюдать и во второй главе: из 16 страниц более четырех отведено описанию хозяйственного строя Иудеи, тогда как для всех других провинций, начиная с Испании и Галлии и кончая Сирией и Египтом, автор считает возможным ограничиться всего тремя страницами (стр. 54—57). Таким образом, благодаря доминированию относящегося к истории Иудеи материала создается впечатление, что в книге делается попытка взглянуть на историю Римской империи I в. н. э. посредством анализа событий, имевших в это время место в одной из наименее

¹ Это главы: четвертая — «Социально-политический строй и общественное движение в Иудее в первой половине I века н. э.», глава пятая — «Римская политика в отношении вассальных царств и общественное движение в Иудее в 40—50 гг. I века н. э.» и глава седьмая — «Иудейская война».

значительных римских провинций, хотя и особенно активно выражавшей свое недовольство римским господством. Но вряд ли такой подход можно признать правильным. Для характеристики положения «вассальных царств» имеются достаточные данные не только относительно Иудеи (чем автор объясняет свой повышенный интерес к этой стране — стр. 37), но также и из истории Фракии, Боспорского государства, Понта и Армении.

В связи с этим стоит и доминирующая роль на протяжении всей книги А. Г. Бокщанина произведений Иосифа Флавия. Редкая страница обходится без ссылок на этого автора, сведениям которого даже о римских делах он верит на слово, не подходя критически к его показаниям. Монографию В. Вебера «Josephus und Vespasian», Berlin, 1921 г., хорошо вскрывающую всю тенденциозность и противоречивость сочинений Иосифа Флавия, А. Г. Бокщанин находит в этом отношении своеобразной по содержанию (стр. 14). К сожалению, А. Г. Бокщанину остались неизвестными не только относительно новые работы об Иосифе Флавии как историке Р. Лакера (1920) и Дрекслера (1924), но и старая работа Б. Низе¹, которые все в общем мало расходятся с характеристикой произведений Иосифа Флавия, данной В. Вебером. Свидетельства Иосифа Флавия, тишичного фарисея и в прямом и переносном смысле, презрительно относившегося к простому народу, предателя, называвшего всех более твердых и искренних патриотов (зелотов) «мятежниками», «разбойниками», «разбойничьей шайкой», римского шпиона, рабелепствующего клиента Флавиев и клеветы иудейского царя Агриппы II Младшего, требуют большей осторожности при пользовании ими.

Еще в 1870 г. Моммзен² убедительно показал, что в основе рассказа Иосифа Флавия о перевороте 41 г. лежат «Истории» Клувия Руфа (стр. 322), представившие собой мемуары умевшего приспособиться ко всем режимам сенатора и царедворца Нерона, Гальбы и Вителлия, составленные им уже на склоне лет при Флавиях и представлявшие собой, по выражению Моммзена, «обильный кладезь скандальных анекдотов». В ранних своих произведениях (в «Историях») ими пользовался и Тацит, но отказался от сочинений подобного рода в своих более зрелых «Анналах»³.

Что касается весьма важной и даже решающей роли в перевороте 41 г. царя Агриппы, на чем особенно настаивает А. Г. Бокщанин (стр. 130—133), то этого нет и у Клувия Руфа, как показывают эти свидетельства пользовавшегося тем же источником Светония. Повидному, сведения эти идут из еще более мутного источника — из хвастливых воспоминаний Агриппы Старшего, известного авантюриста, пиригана и лежеца, хранившихся в семье этого царя, к которой близок был Иосиф Флавий. Вот почему упрек А. Г. Бокщанина, что рассказ Иосифа Флавия о событиях 41 г. в Риме «игнорируется» и роль Агриппы «замалчивается» или «недооценивается» большинством историков, нельзя считать основательным. Отсутствие критического анализа источников у автора рецензируемой монографии имеет место и в отношении к сведениям Тацита, Светония, Плутарха и Диона Кассия (см. стр. 17—18).

Работа А. Г. Бокщанина содержит ряд неправильных и спорных утверждений. Так, например, автор утверждает, что в период гражданских войн I в. до н. э. «в Италии, в связи с неоднократными переделами земельной собственности, конфискациями и опустошением отдельных районов... резко сократилось количество мелких и средних землевладельцев» (стр. 63). В действительности, как известно, дело обстоит как раз наоборот, о чем может свидетельствовать хотя бы § 4 «Деяний Августа»: «Число римских граждан, принесших мне военную присягу, простиралось до 500 000. Из них я вывел в ко-

¹ R. Laqueur, Der jüdische Historiker Josephus, Giessen, 1920; H. Drexler, Untersuchungen zu Josephus und zur Geschichte des jüdischen Aufstandes, «Klio», XVII, 1924; B. Niese, Der jüdische Historiker Josephus, HZ, 76 (1896).

² Th. Mommsen, «Hermes», т. IV, стр. 318—325.

³ Th. Mommsen, там же. Чисто личные моменты, касающиеся Клувия Руфа, вылетенные в рассказ о перевороте 41 г., особенно четко обнаруживают этот источник (Joseph. Flav., Antiquitates, XIX, 1, 13).

лонии или вернул на родину по окончании срока службы несколько более 300 000. Всем им я роздал участки земли, на мой счет купленные, или вместо поместья дал им деньгами» (очевидно, на покупку земли. — В. Д.). Параграф 28 сообщает об основании в Италии 28 «цветущих колоний». Множество крупных имений было поделено во время проскрипций между солдатами — до нас дошли литературные произведения, в которых потерпевшие оплакивают отнятые у них и пошедшие в раздел усадьбы и поля¹.

Нельзя согласиться с автором и в том, что «Август предпринимает ряд завоевательных походов в различные области Западной и Южной Европы... исходя из необходимости постоянного пополнения рабского рынка». Правда, А. Г. Бокщанин согласен признать, что «Августа толкали на завоевание и другие серьезные причины» (стр. 32, также стр. 34 и 72). А. Г. Бокщанин неправильно называет «соканиками», «союзническими отрядами» римские «вспомогательные войска» (*auxilia*), когорты и алы, набравшиеся из жителей римских провинций и составлявшие почти половину всей римской армии, и утверждает, что «это были войска зависимых от Рима княжеств и городов» (стр. 34—35, также стр. 100—101). Относительно Германика сообщается уже нечто совсем невероятное, что он был сыном Тиберия и матери последнего Ливии (стр. 53).

Автор считает возможным установить для I в. н. э. экономическую базу Римской империи, которая только «первоначально представляет собою пестрый конгломерат, удерживаемый в повиновении лишь методами внеэкономического принуждения» (стр. 27). «Завязывались и укреплялись непосредственные экономические отношения между Востоком и Западом империи. Эти растущие экономические связи и создавали общую заинтересованность в существовании империи, как единого государственного целого, среди только что создавшейся рабовладельческой знати западных провинций, эллинистических землевладельцев, восточных жрецов и купцов» (стр. 58). Это несомненное преувеличение. Не хозяйственные связи, очень мало интересовавшие галльскую знать, «эллинистических землевладельцев» и тем более «восточных жрецов», побуждали их примиряться с господством Рима, а ожидания от него помощи в подавлении движения эксплуатируемых низов, что автор дальше сам достаточно подробно показывает, а также страх перед варварскими нашествиями, о чем он, к сожалению, совершенно забывает. Как только имперское правительство, даже уже переставшее быть чисто «римским», но широко включившее в себя представителей верхов рабовладельческого общества Средиземноморья перестает к концу II в. н. э. успешно выполнять эти функции, так сепаратистские тенденции получают доминирующую роль в настроениях провинциальной аристократии.

Восстание в ланнонской и рейнской армиях в 14 г. изображается как «одно из стихийных движений античного люмпен-пролетариата» (стр. 86). При этом А. Г. Бокщанин высказывает мнение, что, провозглашая прицепом Германика, «солдатская масса объективно выдвигала требование о новом переделе имущества — требование, характерное для античного люмпен-пролетариата», так как солдаты, собственно говоря, мечтали о гражданской войне, которая повлекла бы за собой передел имущества и земель. Если согласиться с этим, то вряд ли можно признать это движение только «мятежом», и притом «стихийным», а желание получить землю для обработки, пожалуй, мало свойственно люмпен-пролетариату. Здесь, как и во многих других случаях, А. Г. Бокщанин недостаточно критично воспринял сообщения своих источников, в частности Тацита, о военном восстании 14 г. (*Annal.*, I, 3). Сведения Светония о том, что армия и слышать «не хотела о принцепсе, поставленном не ею» (*Tiber.*, 2 5), на мой взгляд, несомненно, в данном случае более объективны, и к ним, по моему, следовало отнестись с большим доверием. Сам Тацит в другом месте (*Histor.*, I, 4) отмечает, что в этой решающей роли армии заключалась «тайна империи».

¹ «*Divisas iterum sedes et rura canamus*» (Н. А. М а ш к и н, Принципат Августа, М., 1949, стр. 429).

Ряд неосновательных утверждений встречается у автора в характеристике правления Клавдия и Нерона и политического кризиса 68—69 гг. Автору не удалось доказать, что «заговор против Калигулы ни в коем случае не носил замкнутого дворцового характера... Это было долго подготовлявшееся, но плохо организованное выступление сенатской и всаднической знати не только против личности принцепса, но и против всей политической системы принципата» (стр. 129). Напротив, даже Иосиф Флавий утверждает, что Гаю Калигуле «пришлось погибнуть от руки заговорщиков, бывших первоначально его приближенными» (*Antiquit.*, 2, 5). О непричастности сенаторов к заговору можно с полным основанием заключить из растерянности сената при известии об убийстве Калигулы.

По меньшей мере странно утверждение автора, что в 62 г. вождь консервативной знати Траезя Пет всезред называл Нерона «превосходным принцепсом» (*Tac., Annal.*, XIV, 48) и что с 59 г. наблюдалось в Риме «бесконтрольное господство старопатрицианских кругов» (стр. 160—161), причем эти «патрицип» поддерживали всестольных временщиков из сословия всадников — Афрания Бурра и Аннея Сенеку (стр. 161 и 164) и со своей стороны поддерживались ими. Неверно также и утверждение, что позднее, «опасаясь заговоров патрициата, ... Нерон стремился найти опору в городском плебсе и солдатской массе» (стр. 167). Напротив, в пренебрежении интересами армии заключалась особая слабость правления Нерона.

Автор небрежен в обращении с источниками. Так, например, ссылки на «Римскую историю» Диона Кассия часто делаются без указания глав и параграфов его книг (см. стр. 29, 30, 33 и др.). Проверка ссылок на стр. 160—161 показала, что семь из десяти неверны. *Res gestae* Августа цитируются по изданию Моммзена 1883 г. (стр. 29, прим. 1), причем не всегда верно. Так, А. Г. Бокшанин пишет (стр. 54): «По указанию Monumenti Ancyrani в 23 г. до н. э. Август двадцать раз раздавал хлеб, выдав 250 000 пайков. В 5-м г. н. э., согласно тому же источнику, было выдано уже 320 000 пайков». На самом деле в § 15 надписи значится: «В одиннадцатое свое консульство (23 г. до н. э.) я двенадцать раз раздавал продовольствие хлебом; ... когда я был в восемнадцатый раз трибуном и в двенадцатый раз консулом (5 г. до н. э.), я роздал 320 000 плебсам столицы по 60 денариев на каждого...» Весьма неточно сделаны переводы из произведений Варрона и Колумеллы (стр. 49): «мы пренебрегаем самостоятельным ведением хозяйства у себя в имениях...» (вместо «самоличным») или «... мы прячем у себя виноград с Киклад, из Бетики и Галлии...» (в тексте: «мы получаем вино с Киклад...»). Вместо *orbis Romanus* А. Г. Бокшанин пишет *orbis terrarum*¹ (глава вторая). Последняя, девятая, глава носит название *Restituta est imperia*, известно, что свое государство римляне называли *imperium Romanorum*, *imperium p. Romani*, а не *imperia* на современный нам лад. На стр. 61 делается ссылка на *Oratio pro Flacco* Цицерона, на стр. 64 сообщается, что «Валерий Мессала отказался от поста городского префекта (*prefectura urbis*)», на стр. 136 говорится о «даровании Клавдием *iusta honores* (!) эдуйским аристократам». Нередки такие выражения: царь Ирод «был типичнейшим римским вассалом, охранявшим «расет гоманаш» на крайнем юго-востоке «*orbis terrarum*» (стр. 45). С тем же успехом автор везде в русском тексте склоняет и *Monumentum Ancyranicum* — например: «по указанию Monumenti Ancyrani» (стр. 54), «автор Monumenti Ancyrani» (стр. 29). Это злоупотребление склоняемостью латинских терминов в русском контексте иногда приводит к тому, что автор запутывается и в употреблении русских падежей — например: «поддерживать версию о благодетельности римского управления для населения империи, о дарованном населению и охраняемому силой римского оружия «*Pacis romanae*»» (стр. 28). Конечно, и прописную букву в последних двух словах надо поставить не в первом, а во втором из них.

Подводя итоги, следует признать, что книга А. Г. Бокшанина не может удовлетворить читателя в ряде отношений. Это касается прежде всего структуры монографии. Она перегружена излишними материалами по истории Иудеи в ущерб истории более

¹ Cp. I. V o g t, *Orbis Romanus, Zur Terminologie des römischen Imperialisismus*, Tübingen, 1929.

крупных и в экономическом отношении более важных провинций Римской империи I в. Это касается в значительной степени и содержания работы. Мы уже указали на далеко не полное использование источников (в особенности, эпиграфических) и некритическое к ним отношение, на смещение явлений социального и политического характера. Серьезные упреки могут быть высказаны автору и по поводу литературного оформления монографии. Следует пожалеть, что значительное время, протекшее между написанием этой работы и ее появлением в свет, не было должным образом использовано автором для преодоления указанных недостатков.

Проф. В. Н. Дьяков